

ДАР НАПРАСНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ: подарок и обмен в культуре сталинского периода

*«Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит»
(Н. Некрасов)*

Социализм в восприятии советского человека – не цель, но этап перехода от капиталистического общества, подчиненного концепции товарно-денежного обмена, к «дивному новому миру», где все блага общедоступны и бесплатны. Коммунистический принцип распределения «от каждого по способностям, каждому по потребностям» предполагает получение объектов желания, не в качестве оплаты за труд, но даром. Неудивительно, что в утопическом дискурсе мотив «дарения» приобретает ключевую роль. В «прекрасном далеком», которое рисует роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957), имена людей выражают основные концепты, «символы веры» нового мира. Герой, полнее прочих воплощающий моральный кодекс развитого коммунизма, носит неслучайное имя Дар Ветер:

«– Ваше имя, если я не ошибаюсь, из корней русского языка?»

– Совершенно верно! Даже не корни, а целые слова. Одно – подарок, второе – ветер, вихрь...» [Ефремов 1986, с. 204].

Сталинский социализм весьма далек от идеальной модели коммунизма, однако сбалансированность взаимообменов оказалась серьезно нарушена уже в рамках этого социума. «Тоталитаризм – дарение без ответа, без взаимности адресата и адресанта», – пишет И.П. Смирнов. – «Тоталитарная литература прославляет тех, кто отдает, ничего не требуя взамен» [Смирнов 1999, с. 66]. Заключенные Соловецкого лагеря осенью 1930 года создали коммуну под лозунгом: «От нас – все, нам – ничего!». «Этот лозунг, уже вполне зрелый, достоин был, пожалуй, и всесоюзного распространения», – комментирует опыт солдовчан А. Солженицын [Солженицын 1989, с. 103].

В предельном варианте дарение граничит с жертвоприношением. Только жертвоприношение, в отличие от дарения, вне религиозно-мифологического контекста выглядит как бессмысленное уничтожение того или иного предмета (существа). Очень тонко обыгрывает подобную ситуацию мастер парадоксов О. Генри. Герои его рассказа «Дары волхвов» (1905) ради покупки рождественского подарка жертвуют самым ценным: муж продает часы, чтобы купить жене набор черепаховых гребней, жена расстается со своими роскошными волосами, чтобы подарить мужу платиновую цепочку для часов. Происходит аннигиляция ценности подаренных вещей. Но обесмысленные с практической точки зрения подарки обретают сверхценность, если счесть их жертвоприношениями богу

любви. Правомерность такого прочтения подтверждается названием рассказа, акцентирующим религиозный контекст.

Настоящий советский человек постоянно готов к пожертвованию личным ради общего дела, но в плане прагматики эта установка скорее вредит общественным интересам. Тотальная устремленность к самопожертвованию, способна обесценить саму жертву. Практически все производственные романы эпохи сталинизма используют архетипический мотив «строительной жертвы». Не обходится без этого сюжетного положения и В. Ажаев. В его романе «Далеко от Москвы» (1948) по ходу строительства нефтепровода гибнет немало людей. Для реципиента, не владеющего канонами поэтики социалистического реализма, необходимость этих смертей вовсе не очевидна. При прокладке трубы по дну пролива наибольшую опасность представляет подтаявший весенний лед. Вопреки здравому смыслу один из героев романа выводит на лед тяжелый трактор и, естественно, тонет: «впереди с оглушающим треском разверзся лед, и громадный трактор, рыча и царапая гусеницами ледяные обломки, погрузился в пучину. <...> Силин даже и не показался на поверхности бурлившей в проруби воды – видно, его сразу втянуло течением под лед. Потрясенные катастрофой, строители долго не могли уйти от нечаянной могилы товарища; все попытки вытащить Силина хотя бы мертвым ни к чему не привели» [Ажаев 1949, с. 568]. Гибель тракториста выглядит бессмысленной, но только с позиции наблюдателя, чуждого советской ментальности. Для автора и персонажей романа – это ожидаемый акт героического самопожертвования. «И он не виноват, и бедняга Силин тоже, ежели хочешь знать. Все горят одним и потому не жалеют жизни...», – рассуждает один из рабочих, защищая руководившего операцией инженера Ковшова [Ажаев 1949, с. 568].

Приведенный эпизод достаточно типичен для искусства соцреализма, и ряд подобных примеров нетрудно продолжить, хотя, безусловно, чаще встречаются все-таки более мягкие формы самопожертвования. Герой рассказа А. Гайдара «Горячий камень» (1941) отдает революции свою молодость и здоровье, не требуя и не ожидая за это никакой награды. Превратившийся в инвалида, он становится почти изгоем: «Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб. Он пришел на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролегал кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым» [Гайдар 1986, т. 2, с. 351]. Мальчик Ивашка находит волшебный камень, возвращающий молодость, и, жалея старика, предлагает ему в дар новую жизнь. Эта возможность отвергнута героем по вполне понятной логике: любая компенсация за раны и увечья существенно снижает ценность его жертвы. Принять подарок мальчика – значит, уничтожить смысл исходного самопожертвования, переведя ситуацию в рамки обмена.

Отношение к частному дарению в культуре сталинизма настороженное. Подарок, особенно материально ценный, во-первых, нарушает принцип социальной справедливости (уравнительного типа), а, во-вторых, подозрительно напоминает замаскированный подкуп или взятку. Внешне невинное подношение, сделанное Еленой Вальц семье председателя губернского ЧК Зудина, запускает в повести А. Тарасова-Родионова «Шоколад» (1922) цепь событий, завершающуюся расстрелом героев. «Елена Валентиновна такая душенька, добрая, – рассказывает Зудину жена. – Она притащила нам полно гостинцев: фунта с два, почитай, шоколаду настоящего, заграничного, попробуй-ка! – детишкам, им же по паре отличнейших крепких чулок фильдекосовых, длинных... ты только взгляни... и, знаешь ли, мне... (она виновато потупилась в скатерть), мне так было неловко, но я не смогла отказаться: она ведь всерьез обиделась, – мне она подарила две пары шелковых, тонких отличных чулок...» [*Тарасов-Родионов 1990*, с. 234]. Первая мысль Зудина – о взятке: «Как неудобно! – коробится Зудин. – Да, неудобно, неловко. Ведь она, знаешь сама, моя подчиненная. Лучше бы ты, Лиза, ничего не брала... пахнет взяткой! – даже брезгливо рванулся» [*Тарасов-Родионов 1990*, с. 234]. Столичный следователь, который будет вести дело Зудина, понятия «взятка», «даяние», «подарок» и вовсе считает синонимами.

«– Не помните ль вы случаев, когда вам приходилось принимать от кого-либо из ваших служащих какие-либо даяния, подарки, вещи?»

– Не помню.

– Восхитительно. Так и запишем: не помню. Ну а, например, от Вальц?

Густая краска заливает лицо Зудина. Как это он об этом не вспомнил?! Черт знает, что получается, думает он.

– Конечно, получение взяток вовсе не обязательно проделывать лично: удобнее это делать через кого-либо из домашних, – трунит Шустрый» [*Тарасов-Родионов 1990*, с. 270].

А в итоговой обвинительной речи Шустрого встречается значимая оговорка: подаренный детям Зудина шоколад и золото, полученное Вальц в качестве взятки, фигурируют в одном ряду.

«– Кстати, сам Зудин на допросе пробовал первоначально отрицать получение им и чулок, и шоколада, и золота, но потом вследствие явных улик вынужден был сознаться в “принятии”, как он выразился, им или его женой – Зудин пытается теперь все свалить на жену, – так теперь он вынужден был признаться в получении через Вальц взяток и шелковыми чулками и золотом.

– Золотом? – тихо выпячивает трясущиеся губы Зудин.

– То есть, виноват, оговорился, – шоколадом, а не золотом. Получение золота Зудин пока что отрицает» [*Тарасов-Родионов 1990*, с. 283].

В пьесе Л. Леонова «Обыкновенный человек» (1940–41) известный оперный певец Дмитрий Ладыгин, расставаясь со своим другом времен

гражданской войны Свеколкиным, очень настойчиво пытается вручить ему подарок.

«Л а д ы г и н. <...> дарю тебе вот эту картину. Бери, только не благодари.

С в е к о л к и н. Мерси, Митя. Мне не надо.

Л а д ы г и н (*обиженно*). Зря, мировая вещь. Капиталист Рябушинский две тысячи за нее отвалил. <...>

С в е к о л к и н. Ты не хлопочи, Дмитрий Романович, не возьму. <...>

Л а д ы г и н. В таком случае... Я тут денюжат с филармонии некую толику получил. Возьми у меня займы, Паша. Да ты не стесняйся, ты без отдачи бери (*Достав пачку из кармана.*) Будь друг... ну, я прошу тебя! <...>

С в е к о л к и н (*весело*). А ведь ты это мне взятку, Митя, суешь... Только за что? Чтоб не приезжал я больше или за молчание мое? А я твой друг, Митя, не буду молчать. Отыщи берестяную кошелку-то, поглядывай на нее почаще: в ней молодость твоя звонкая лежит» [*Леонов 1969–1972, т. 7, с. 464–465*].

Никакого корыстного интереса Ладыгин не преследует, поэтому слово «взятка» в данном контексте звучит, по меньшей мере неожиданно.

Чем дороже подарок, тем вернее подчиняет он человека стереотипам и ценностям общества потребления.

В романе А. Беляева «Человек-амфибия» (1928) программный конфликт двух языков, двух культур и двух моделей поведения отчетливее всего проявляется в том эпизоде, где Ихтиандр пытается подарить Гуттиэре редчайшую жемчужину.

«– Вы любите жемчуг?

– Да.

– Тогда возьмите вот это... от меня. – И он протянул ей жемчужину.

Гуттиэре хорошо знала цену жемчуга. Жемчужина, лежавшая на ладони Ихтиандра, превосходила все, что она видела и знала о жемчуге по рассказам отца. Безукоризненной формы огромная жемчужина чистейшего белого цвета весила не менее двухсот каратов и стоила, вероятно, не менее миллиона золотых пезо. Изумленная Гуттиэре смотрела то на необычайную жемчужину, то на красивого юношу, стоявшего перед нею. Сильный, гибкий, здоровый, но несколько застенчивый, одетый в измятый белый костюм, он не походил на богатых юношей Буэнос-Айреса. И он предлагал ей, девушке, которую он почти не знал, такой подарок.

– Возьмите же, – уже настойчиво повторил Ихтиандр.

– Нет, – ответила Гуттиэре, покачав головой. – Я не могу взять от вас такого ценного подарка. <...>

Тогда Ихтиандр бросил жемчужину далеко в море, молча кивнул головой, повернулся и пошел к дороге.

Этот поступок ошеломил Гуттиэре. Она продолжала стоять не двигаясь. Бросить в море миллионное состояние, как простой камешек! Ей было совестно» [*Беляев 1983–1985, т. 2, с. 60–61*].

Ихтиандр – обитатель утопии, мира не знающего меркантильности. Гуттиэре же мыслит категориями буржуазной морали. Естественно, что в этом контексте чистота дара героя не может быть понята и принята.

И.П. Смирнов обращает внимание на необычное обстоятельство: «в советском обществе одаривается не тот, кто страдает от нехватки, но тот, кто владеет всем. Дарение в этом случае не имеет компенсаторной функции, т.е. не выступает как скрытый обмен (между избыточным и дефициарным)» [Смирнов 1999, с. 66]. Стоит, пожалуй, уточнить, что власть не может просто конденсировать дары («Музей подарков Сталину», на который ссылается исследователь, хоть и яркое, но все же исключение): ее функция – перераспределение материальных ценностей. К. Леви-Строс «первым и главным орудием власти», ее «основным атрибутом у большинства примитивных народов» называет «щедрость» и рассказывает, что все подарки, которые он делал вождям индейских племен, моментально переходили в собственность рядовых членов племени. «Вождь же оставался столь же неимущим, что и к моменту моего появления. Все, что он получил, у него уже выпросили. Эта общая алчность часто доводит вождя почти до отчаяния. Отказ или готовность давать в этой примитивной демократии означает примерно то же, что и вопрос о доверии в современном парламенте. Когда вождь позволяет себе сказать: “Кончено с подарками! Кончено со щедростью! Пусть другой будет щедрым на моем месте!” – он должен быть очень уверенным в своей власти, ибо этот шаг – серьезное испытание» [Леви-Строс 1984, с. 172].

Передаривание подаренного вождю в условиях «военного коммунизма», так же значимо, как при коммунизме первобытном. Но самое интересное, что в отечественной литературе этот сюжет активизируется и актуализируется только в 1930-е гг. Ленин из мемуарно-биографического очерка Горького подобно индейским вождям перераспределяет дары: «В тяжелом, голодном 19 году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неудобную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам» [Горький 1968–1976, т. 20, с. 39]. Горьковские мотивы подхватывает в «Рассказах о Ленине» (1940) М. Зощенко. В одном из рассказов цикла посетитель преподносит вождю копченую рыбу:

«– Уж пожалуйста, Владимир Ильич... Примите подарок...

Но Владимир Ильич не взял рыбу. Он строго сказал:

– Благодарю вас, товарищ, но я не могу принять вашу рыбу. У нас в стране дети голодают. Напрасно вы мне ее привезли. <...> Вот что! Возьмите эту рыбу и пошлите ее в детский дом!

Увидев, что рыбак до крайности смущен, Ленин протянул руку и сказал:

– От имени детей благодарю вас, товарищ, за подарок» [Зощенко 1968, т. 1, с. 265].

Тот же примитивный механизм перераспределения работает на всех уровнях советского общества. Бедствующему на строительстве узкоколейки Корчагину приятель привозит подарок – «прекрасную желтую меховую шведскую куртку» – и поясняет: «Это тебе товарищ Устинович посылает, чтобы ты, дурак, не смерз. Куртку товарищ Ольшинский ей подарил, она из рук его взяла и мне передала – вези Корчагину. Аким говорил ей, что ты в пиджаке на морозе работаешь. Ольшинский немного нос скривил. “Я, говорит, этому товарищу шинель послать могу”. А Рита смеялась: ничего, в куртке ему лучше работать!» [*Островский 1955*, с. 247].

В беседе с М. Рыклиным Жак Деррида высказал убеждение, «что чистого дара не существует». «Что меня интересует, – рассуждает философ, – так это вопрос о возможности отдавания, или такого дара, который не был бы попросту заново вписан в круг обмена, *если* это возможно. Мы не в состоянии продемонстрировать такую возможность, даже если подобная возможность есть; она не может быть доказана по существенно важным причинам, потому что как только вы захотите ее продемонстрировать, у вас тут же найдется способ придания ей некоторого смысла, что заново впишет ее в круг экономики и обмена, нейтрализующих, аннигилирующих и отрицающих дар» [*Жак Деррида в Москве 1993*, с. 171–172]. Поводом для размышлений французского мыслителя стала предложенная М. Рыклиным гипотеза о том, что сталинское общество было своеобразным предприятием «индустриального, промышленного потлача» [*Жак Деррида в Москве 1993*, с. 170].

Материал ортодоксально-советской культуры в целом подтверждает концепцию М. Рыклина. В 1930–40-е гг. любое достижение в развивающейся индустриальной сфере превращается в подарок лично товарищу Сталину. На смену копченым селедкам голодных лет военного коммунизма в качестве объектов (пере)распределения приходят станки, металл, уголь и т.п. В. Ажаев («Далеко от Москвы») демонстрирует универсальность специфически советской системы циркулирования даров. Первая нефть, доставленная по только что законченному нефтепроводу, принадлежит, бесспорно, верховному сюзеру страны:

«В эту минуту в широком отверстии рукава показалась нефть. <...> Зятьков отделился от толпы, снял фуражку и со склянкой в руках приблизился к цистерне. Трясущейся рукой он подставил ее под струю нефти. Склянка наполнилась. Зятьков обтер ее фуражкой, поцеловал и подал Писареву.

– Наш подарок товарищу Сталину. Просим отправить самолетом.

Сами повезете, товарищ Зятьков. Вместе с товарищем Умарой и товарищем Батмановым вручите этот замечательный подарок вождю, – ответил Писарев.

Опять загрохотали аплодисменты, каких еще не приходилось слышать Адуно и старухе-тайге» [*Ажаев 1949*, с. 662].

Зощенковский Ленин пытается совершить евангельское чудо: в его жесте угадывается новозаветный сюжет о том, как Христос накормил пятью

хлебами и двумя рыбами тысячи голодных (Мф. 14: 16–21). Позже Сталин это чудо осуществил: божественное прикосновение его рук способно превратить дефицит в изобилие. Недаром и процитированная сцена романа В. Ажаева насыщена ритуальными деталями (обнажение головы, трепет, поцелуй и пр.).

Писатели 1920–40-х гг., чье творчество развивается вне рамок соцреализма, не склонны верить в возможность бескорыстного дарения и задолго до Ж. Деррида апробируют формулу «дар-яд». Яд становится самым желанным подарком для героини рассказа Е. Замятина «Пещера» (1922). Противоположный процесс – превращение дара в яд – глубоко и всесторонне исследован М. Зощенко (причем не только теоретически). М. Мухранская вспоминает, как однажды писатель принес ей в подарок банку консервированных ананасов: «На его глазах мы с сыном моментально ее уничтожили. На другой день он снова поставил на стол такую же банку. И снова – момент, и банка пуста. Видимо, приняв нашу тоску по вкусным вещам за пристрастие именно к ананасам, он стал приносить их нам ежедневно. Ну и кончилось тем, чем должно было кончиться: уже сам вид этого недавно недоступного для нас изысканного продукта стал вызывать отвращение» [*Мухранская 1995*, с. 555].

Объяснение М. Мухранской явно недостаточно. Перед нами – типичный для М. Зощенко случай изошренной мести. Своим необычным экспериментом он реагирует на болезненную для его писательского самолюбия обиду. В начале знакомства на просьбу дать почитать какую-нибудь интересную книгу М. Зощенко подарил М. Мухранской сборник своих рассказов и повестей. «Я, честно говоря, весьма небрежно отреагировала на подарок (книга была с дарственной надписью). Как это понимать? Значит, из всех существующих на свете интересных книг самой интересной он считает свою?» – признается мемуаристка [*Мухранская 1995*, с. 554–555]. Как в первом, так и во втором случае М. Зощенко преподносит в дар часть себя. Сначала писатель дарит лучшую, творческую часть своей души, а после того, как это дар оказывается недооцененным, он через подарок «заражает» М. Мухранскую своим невротическим комплексом (зощенковские фобия и отвращение к еде широко известны).

Зощенковская «поэтика недоверия» (как определил ее А.К. Жолковский) питается не только его невротами, но и ощущением конфликта с культурной средой. Эпоха действительно не располагала к излишней доверчивости. М. Зощенко не исключает даже крайних ситуаций, когда подарок становится инструментом смерти. Из протокола беседы писателя с сотрудником Ленинградского НКГБ 20 июля 1944 г.:

«– Считаете ли вы ясной теперь причину смерти Маяковского?»

– Она и дальше остается загадочной. Любопытно, что револьвер, из которого застрелился Маяковский, был подарен ему известным чекистом Аграновым.

– Позволяет ли это предполагать, что провокационно было подготовлено самоубийство Маяковского?

– Возможно» [*Дело об «отравлении» 1992*, с. 134].

То же самое, но только в фольклорном ключе выражает герой «*Рассказов о партизанах*» (1947): «Подарил барин брюки – оторвал за это руки, подарил сапожки – оторвал и ножки» [*Зощенко 1963*, с. 17].

Проще говоря, бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Литература

Ажаев В. Далеко от Москвы. М., 1949.

Беляев А.Р. Человек-амфибия // Беляев А.Р. *Собрание сочинений*: В 5-ти т. Т. 2. Л., 1984.

Гайдар А. Горячий камень // Гайдар А. *Собрание сочинений*: В 3-х т. Т. 2. М., 1986.

Горький М. В.И. Ленин // Горький М. *Полное собрание сочинений*: В 25-ти т. Т. 20. М., 1974.

Дело об «отравлении». Михаил Зощенко объясняется с начальством // *Неизвестная Россия. XX век*. М., 1992.

Ефремов И.А. Звездные корабли. Туманность Андромеды. М., 1986.

Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993.

Зощенко М.М. Рассказы. Фельетоны. Комедии. М.–Л., 1963.

Зощенко М.М. Рассказы о Ленине // Зощенко М.М. *Избранные произведения*: В 2-х т. Т. 1. Л., 1968.

Леви-Строс К. Печальные тропики. М., 1984.

Леонов Л.М. Обыкновенный человек // Леонов Л.М. *Собрание сочинений*: В 10-ти т. Т. 7. М., 1971.

Мухранская М. Без литературы // *Воспоминания о Михаиле Зощенко*. СПб., 1995.

Островский Н.А. Как закалялась сталь // Островский Н.А. *Собрание сочинений*: В 3-х т. Т. 1. М., 1955.

Смирнов И.П. Человек человеку философ. СПб., 1999.

Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования // *Новый мир*. 1989. №10.

Тарасов-Родионов А. Шоколад // *Трудные повести*. М., 1990.

PR в изменяющемся мире: региональный аспект: сборник статей/ под ред. М.В.Гундарина. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. – Вып. 4.